

ОБЩИНЫ, ПРИХОДЫ, ДИОЦЕЗЫ
И ДРУГИЕ ОБЩНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ
«ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА»

Когда-то французских историков очень интересовали и ремесленные корпорации¹, и гильдии², и религиозные братства³. Ныне же создается впечатление, что эти темы отошли на второй план, уступив место иной проблематике — изучению средневековых общин и общностей, преимущественно в их пространственном измерении.

В средневековую эпоху на Западе (и, конечно, не только на Западе) существовало множество общностей разного уровня, выполнявших разные функции⁴. Изучение общностей

¹ *Olivier-Martin F.* L'organisation corporative de la France d'Ancien Régime. Paris, 1938; *Coornaert E.* Les corporations en France avant 1789. Paris, [1941]; *Idem.* Les compagnonnages en France du Moyen Âge à nos jours. Paris, 1966.

² *Coornaert E.* Des confréries carolingiennes aux guildes marchands // *Mélanges d'histoire sociale*. Vol. 2. 1942. P. 5–21; *Idem.* Les Ghildes médiévales (V^e–XIVe siècles: Définition et évolution) // *Revue historique*. 1947. Vol. 199. P. 22–55, 208–243; *Espinace G.* Les origines de l'association. T. 1: Les origines du droit d'association dans les villes d'Artois et de la Flandre jusqu'au début du XVIe siècle. Lille, 1942.

³ *Fougères M.* Entr'aide et piété: Les associations urbaines au Moyen Âge // *Mélanges d'histoire sociale*. 1944. Vol. 5. P. 100–106. Последнее крупное исследование по французским конферериям было опубликовано четверть века назад. См.: *Vincent C.* Les confréries médiévales dans le royaume de France. Paris, 1994.

⁴ В советской историографии из всего многообразия общностей внимание обращалось, как правило, лишь на сельские общины и ремесленные цехи. Зато после перестройки многоцветие мира средневековых общностей сразу же оказалось в центре внимания отечественных медиевистов. Так, в 1991 г. в ИВИ РАН прошла большая конференция по этой теме. См. сборник материалов: *Общности и человек в средневековой Европе* / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.; Саратов, 1992.

позволяет понять устройство средневекового социума и ответить на важнейшие вопросы о его динамике как атрибуте пресловутого «европейского чуда». Но вопрос об истоках динамизма средневекового Запада так или иначе выводит на характерный для французской историографии спор *мутационистов* и *антимутационистов*, более известный в отечественной историографической традиции как дебаты по поводу «феодальной революции»⁵. Мутационисты (Жорж Дюби и его сторонники) настаивали на радикальном, быстром, качественном, «революционном» разрыве (мутации) средневекового общества с каролингскими традициями после Тысячного года. Антимутационисты (например, Доминик Бартеlemi и Режи́н Ле Жан) утверждали, что эту модель нельзя в равной мере применить ко всем регионам: изменения были растянуты во времени, и многое из того, что приписывалось периоду после Тысячного года, наблюдалось в эпоху Каролингов, а то, что, как считалось, характеризовало «феодальную революцию», было продуктом более позднего времени. К тому же постулаты мутационистов далеко не всегда подтверждались археологическими материалами⁶.

Но само по себе обретение обществом XI–XII вв. принципиально нового качества отрицать трудно даже самым рьяным из антимутационистов. В немалой степени базой этих изменений стало то, что Робер Фоссье назвал словом *encellulement* («объячеивание»)⁷. В результате этого процесса пространство Западной Европы оказалось окутано сразу тремя видами сетей — сеньориями, приходами и общинами. В идеале (но отнюдь не всегда) ячейки этих сетей налагались друг на друга: сельская община совпадала с приходом и сеньорией. Рядом с поселением часто высился замок, и здесь уместно вспомнить еще один специфический термин, предложенный Пьером Тубером, — *incastellamento* («озамкование»). Но Фоссье делает акцент на других структурах — в центре деревни располагалась

⁵ Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 52–68.

⁶ Watteaux M. À propos de la «naissance du village au moyen âge»: la fin d'un paradigme? // Études rurales. 2003. No. 167/168. P. 306–318.

⁷ Fossier R. Enfance de l'Europe, X^e–XIIe siècles. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1982.

церковь и прилегавшее к ней кладбище, которое являлось сакральным центром общины⁸. Эта система достаточно прочно фиксировала население и в дальнейшем демонстрировала солидную устойчивость. Концепция Фоссье, выдвинутая 40 лет назад, поначалу считалась относившейся лишь к французской реальности, но в настоящее время ее, хотя и с существенными оговорками, но, в целом достаточно успешно применяют к Ломбардии и Тоскане, Арагону и Каталонии, рейнским областям Священной Римской империи, а иногда и к более северным регионам. Для нас важно, что историки, озабоченные социальным истолкованием феномена «взлета Европы» после Тысячного года, отмечают существенную роль в этом процессе общины.

В 2018 г. в Париже вышел коллективный труд, посвященный средневековой территориальной общине города и деревни⁹. К сожалению, мы пока не могли ознакомиться с этим изданием, но хорошо знакомы с другими работами большинства его участников. Этот труд — итог работы группы историков, своеобразным идеологом которых выступает Жозеф Морсель, специалист по германской истории, представляющий собой образец французского «социологизирующего историка»¹⁰. Ему принадлежит ряд критических обзоров теоретических работ медиевистов предыдущего поколения, причем знание немецкого языка (по-прежнему нечастое среди французских медиевистов) дало ему возможность обратиться к трудам известного во Франции и в России Отто Герхарда Эксле и менее известного Петера Бликле. Книги баварского историка Бликле, специалиста по истории Реформации, переведены на английский язык, предложенные им термины «революция общинного человека» и «общинная

⁸ *Lauwers M.* Naissance du cimetière. Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. Paris, 2005.

⁹ *Communauté d'habitants au Moyen Âge (XIe–XVe siècles) / Dir. J. Morsel.* Paris, 2018.

¹⁰ См. его программную статью: *Morsel J.* Les logiques communautaires entre logiques spatiales et logiques catégorielles (XIIe–XVe siècles) // *Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre / BUCEMA.* Hors série. 2008. No. 2: Le Moyen Âge vue d'ailleurs. [Электронный ресурс]. URL: <http://cem.revues.org/10082> (дата доступа 25.11.2018).

реформация» получили научное признание¹¹. Однако его обобщающий труд, посвященный средневековому «коммунитаризму» как форме организации общества¹², за пределами Германии известен не очень хорошо. Бликле видит в общине средство борьбы с сеньориальной эксплуатацией. Вместе с тем он придерживается институционального подхода, рассматривая крестьянскую общину как частный случай проявления коммунального, или «коммунарного», движения. В этом он следует терминологии, предложенной в свое время специалистом по истории средневековой философии Пьером Мишо-Кантенем¹³. Вдохновляясь рассуждениями Мишо-Кантена об *universitas* как особом типе сообщества, но и полемизируя с ним, Бликле, как и Эксле¹⁴, выводит существование общин из взаимной клятвы мира, превращающей простое соседство в братство. Община, основанная на взаимной присяге — *conjuratio*, предусматривала взаимопомощь, улаживание внутренних конфликтов, ритуальное сотрапезничество и хранение памяти об умерших членах.

Если у Бликле община, как и коммуна, является средством сопротивления сеньориальной эксплуатации, то Крис Уикхем считает, что эти институты возникли в условиях распада каролингского социально-политического порядка, дабы как-то компенсировать вакуум власти. Уикхем убедительно показывает это на примере как Западно-Франкского королевства, так и Итальянского королевства конца XI — первой половины XII в.¹⁵ При этом и Уикхем, и Эксле отмечали, что различного

¹¹ *Blickle P. Die Revolution von 1525. München, 1975; Idem. Die Gemeindereformation. München, 1985.*

¹² *Blickle P. Kommunalismus. Skizzen einer gesellschaftlicher Organisationsform. München; Oldenbourg, 2000.*

¹³ *Michaud-Quantin P. Universitas: Expressions du mouvement communautaire dans le Moyen Âge latin. Paris, 1970.*

¹⁴ *Эксле О.Г. Гильдия и коммуна. О возникновении «объединения» и «коммуны» как основных форм совместной жизни в Европе // Эксле О. Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 136–156.*

¹⁵ Помимо нескольких монографий на эту тему, можно сослаться на одну из последних работ этого исследователя: *Wickham Ch. The “Feudal Revolution” and the Origins of Italian City // Transactions of the Royal Historical Society. 2014. Vol. 24. P. 29–55.*

рода объединения: *societas, confratria, consortium, conventiculum, conjuratio* — нередко встречаются в текстах каролингской эпохи. Но обычно речь шла о запретах подобного рода незаконных «сговоров», как, например, *coniurationes servorum* во Фландрии времен Людовика Благочестивого. С точки зрения Уикхема, важно, что в новых условиях распада эти неофициальные и даже осуждаемые практики превратились во вполне законные, формализованные институты.

Впрочем, вопрос о происхождении «общин» и «коммун» не находится в центре внимания современных медиевистов.

ОБЩИНА И ЕЕ ТЕРРИТОРИЯ

Для Морсея более важными представляются рассуждения о роли пространственного фактора в формировании общины, именуемой *communauté d'habitants*, которую мы переводим термином «территориальная община»¹⁶.

Современных французских историков интересуют не причины возникновения общины, а системные сдвиги в социуме, сопровождавшие этот процесс. Главным следствием процесса *encellulement* (объяснения) стала более прочная фиксация населения и, как итог, усиление сеньориального контроля. Для фиксации населения важным оказывалось не столько насилие (хотя оно и могло иметь место), сколько предоставление жителям данной территории свобод, перечисляемых в хартиях (*franchises*), обеспечение наследственных прав на землепользование и укрепление сакрального значения данного места за счет церкви и кладбища.

Территориальная община не всегда предполагает наличие агломерации, но и не всякая агломерация является общиной. Важнее не скученность жилищ, но поляризация

¹⁶ Переводить на русский язык этот термин как «община жителей» было бы тавтологией, переводить как «соседская община» тоже неудобно, поскольку в нашей историографической традиции так именовался определенный эволюционный этап в разложении кровно-родственной общины. Не подходит и термин «сельская община», коль скоро для французских исследователей в плане организации такой общины принципиальной разницы между городом и деревней не было.

пространства вокруг церквей, кладбищ и замков. Община же определяется совместным использованием конкретного пространства, имеющего хозяйственную ценность.

Термин «территориальная община» не предполагает отделения сельской общины от городской. Общеизвестно, что на практике отличить крупное село или укрепленное селение, бастиду, от небольшого города непросто, тем более что малые и даже совсем немалые города сохраняли общинные угодья (выгоны, общинные леса и т.д.). Но еще Бликле обратил внимание на иной аспект близости городских и сельских общин. Важным в данном случае представляется не столько разделение ремесла и сельского хозяйства, сколько выраженный пространственный аспект существования общин. В городе ремесленник не просто производит и продает товары, но производит их и поставляет заказчику или на рынок именно как ремесленник такого-то города. Ремесленные цехи или муниципальные власти не допускали на рынок чужаков. Таким образом, город, как и деревня, предстает в качестве места коллективного присвоения локальных ресурсов в границах своей территории. Только в одном случае это местные угодья, в другом — местный рынок (хотя, конечно, права на свои угодья горожане тоже отстаивали).

Общее было у территориальной общины и местного церковного прихода. Расходы по строительству церквей, их содержанию и ремонту часто брала на себя община, она же регулировала отношения со священником, контролировала расходование части собранной десятины, предназначенной для помощи «своим бедным»¹⁷. Церковные старосты часто были формальными и неформальными руководителями общины; в более позднее время на них возлагались функции раскладки налогов. «Функция» спасения души, на которой настаивают немецкие исследователи, видя в ней атрибут средневекового «коммунитаризма», осуществлялась не территориальной, а приходской общиной. Но если останавливаться на формальной стороне связей между людьми, приход не предполагал ни наличия взаимной присяги, ни формального равенства прихожан. Не только члены данной

¹⁷ *Arnoux M. Le temps des laboureurs. Travail, ordre social et croissance en Europe (XIe–XIVe siècle). Paris, 2012. P. 247–248.*

территориальной общины могли составлять круг прихожан, поминальные службы возносились не столько за усопших членов общины, сколько за тех, кто оставил церкви вклад. Неслучайно приходская община в XI–XIII вв. никогда не обозначалась как *communitas*, *communia*, *communio* (в отличие от более позднего периода). Наконец, с точки зрения пространственной организации, главным в приходе был ее центр — церковь с окружающим ее кладбищем, тогда как для общины главным были ее внешние границы — *finage*.

Типовой ситуацией для сельской территориальной общины являлось наличие одного прихода; такое положение было и во многих мелких городах. Но в случае роста городской общины появлялись новые приходские церкви, и тогда уже о совпадении функций территориальной общины и прихода говорить не приходится. По мере усложнения церковного ландшафта в городах могла увеличиваться роль конферий, частично бравших на себя каритативную функцию, заботы по поддержанию братской любви и улаживанию конфликтов, ритуальное сотрапезничество, поминовение усопших. В сельской местности, если приход объединял несколько территориальных общин, указанные функции частично могли брать на себя сельские братства.

Термины *encellulement* («объячеивание») и *incastelamento* («озамкование») предполагают не прямое (субстанциальное), но социальное значение. Не обязательно непременно искать следы переселения хуторян в деревни, скученные вокруг замка или церкви. И если постулат о повсеместной трансформации системы сельских поселений к середине XI в. не всегда подтверждается археологическими данными¹⁸, то в этом нет смертельной угрозы для теории *encellulement* — реальная концентрация жилищ вокруг культового центра или замка была лишь одной из возможных форм данного процесса, и разбросанные жилища продолжали существовать на западе Франции, в Скандинавии, в Норфолке, в Нижнем Арагоне, в Ломбардских предгорьях, на Нижнем Рейне. Люди могли продолжать жить на своих местах, но они уже по-новому обозначали себя — не как людей такого-то монастыря или такого-то

¹⁸ Подробнее см.: Дубровский И. В. Археология и история экономики раннего Средневековья // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 148–162.

сеньора, но как жителей такого-то села (а на самом деле территории такого-то села), как членов такого-то прихода.

Территориальная община являлась прежде всего способом хозяйствования. Аграрные распорядки были многообразны, но в целом они обеспечивали совместное присвоение ресурсов, заключенных в границах данного пространства. Это проявлялось в обладании общинным выгоном, контролем общины за маршрутами выпаса скота и пр. Даже там, где отсутствовали такие коллективные аграрные практики, как принудительный севооборот, совместный контроль над ирригационными и мелиоративными работами, это во все не означало отсутствие хозяйственных связей внутри общины. Локальная кооперация была необходима для обеспечения исключительного права на доступ к ресурсам данной территории. В случае если речь шла о городе, то к этим ресурсам относился еще и доступ к местному рынку.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

Социальная идентичность во все большей степени обуславливалась пространственным фактором. Принадлежность к территориальной общине определялась через обладание определенными свободами: правом пользования общинным пространством, строгой фиксацией сборов, уплачиваемых сеньору. Главное, что социальный статус определялся теперь не столько личным статусом (свободный, серв и пр.), сколько проживанием на территории определенной общины.

В городах информация о том, что такой-то человек — парижский ножовщик, гентский ткач или лондонский шорник, указывала не только на принадлежность к определенной профессии, но еще и на способ связи данного человека с городской общиной. Надо вспомнить, что и в «Книге ремесел», как правило, оговаривались обязанности мастеров участвовать в несении ночной патрульной службы (*guet*), а также в уплате тальи и иных сборов, которые прочие буржуа должны были платить королю.

Процесс обретения социальными терминами пространственного характера Морсель, как это любят делать французские «социологизирующие историки», обозначает особым термином *spatialisation*, который, следуя логике переводов

терминов, предложенных Тубером и Фоссье, следовало бы передать как «опространствование», но если воздержаться при переводе от прямого калькирования, то придется прибегнуть к описательным конструкциям и переводить, например, выражение *spatialisation du discours social* как «усиление пространственного характера социального дискурса». Смысл в том, что этот процесс вел к установлению социальных классификаций, основанных на принадлежности к определенному месту и подчеркивавших отношения между обитателями этого пространства.

Морсель намекает на возможность установления параллелей между процессом *spatialisation* и идущим одновременно с ним переосмыслением отношения к пространству в теологии, которое выразилось, в частности, в эволюции восприятия пространства от сугубо персонализированной концепции блаженного Августина к более объективированному пониманию пространства человека как *circumstantia* — совокупности внешних обстоятельств. В это время оживились евхаристические споры о возможности пребывания Тела Христова одновременно во многих местах христианского мира во время таинства пресуществления (*transsubstantiatio*)¹⁹.

Усиление пространственного фактора в эволюции социальных терминов вело к постепенному ослаблению родственных связей, которые постепенно перестают быть основой для отношения к пространству. Отныне родство включается в систему пространственных отношений, а не наоборот.

Этому в немалой степени способствовало установление строгой экзогамии. Канонический запрет браков между находящимися в родстве ближе седьмого колена провозглашался церковью, как минимум, с каролингских времен, но эффективный контроль за выполнением этого предписания со стороны духовенства стал возможным не ранее второй половины XI в., что было вызвано и григорианской реформой («папской революцией»), и оформлением приходской системы. Узы родства «большой семьи» слабели за счет укрепления малой семьи (чему способствовало и подъемное обложение сеньориальными и иными поборами). Стремление церкви утвердить «любовь

¹⁹ Raum und Raumvorstellungen im Mittelalter / Hrsg. J.A. Aersten, A. Speer. Berlin; New York, 1998. (Miscellanea Medievalia; 25).

к ближнему» (трактуемую в данном случае как любовь к соседу) и укрепить связи духовного родства также ослабляло кровнородственные связи. Конкуренцию родственным отношениям достаточно успешно составляли связи кумовства, членство в религиозных братствах.

Характерно, что данные процессы совпадают по времени с так называемой антропонимической революцией — переходом от одинарного имени, чаще всего указывавшего на принадлежность к определенному роду, к двуменной системе, где личное (чаще всего христианское) имя сочеталось с «прозвищем», часто указывавшим на территориальное происхождение человека²⁰.

Таким образом, в результате изменений, происходивших с начала XI до начала XIII в., Запад предстает уже в обновленном виде. Если раньше для общества родственные связи были важнее всех прочих, а пространственные связи выступали в основном как их переменная величина, что выражалось в относительной (по сравнению с более поздней эпохой) нестабильности поселений, «кочевом» образе жизни аристократов, перекраивании патримониума при каждой смене поколений, то в конце обозначенного периода характерными становятся фиксация жителей в системе территориальных общин и локальная укорененность аристократии, чья политика и организация связей родства оказываются подчинены сохранению сеньориальной власти над данной территорией.

Эволюция социальных категорий указывала на принципиальное изменение социальной классификации. Базовыми терминами становятся варианты слова «житель»: *habitant, manant, inwôner, morador*. Эта категория накладывается на обозначения различных индивидуальных статусов: сервы, свободные, госпиты, трибутарии, — не отменяя их. Рождение новой социальной категории происходило на фоне пожалования сеньорами хартий «жителям» во Франции и в Испании, а в Священной Римской империи на фоне признания сеньориальных прав всей общиной или частью ее членов. Главным изменением

²⁰ Габдрахманов П.Ш. XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // Средние века. 2013. Вып. 74 (3/4). С. 78–89; Zimmermann M. Les débuts de la “révolution anthroponymique” en Catalogne (X^e–XIIe siècles) // Annales du Midi. 1990. Vol. 102. No. 189. P. 289–308.

социальной структуры становится, таким образом, противопоставление сеньоров и «жителей». Момент стабильности системе придавало прямое участие жителей сел и городов в этом процессе: во-первых, при составлении хартий (хотя мы плохо представляем, как именно шел этот процесс); во-вторых, при защите общиной своих оспариваемых прав. Хартия предоставлялась только жителям данной территориальной общины, и это способствовало идентификации ее членов по отношению к другим. Параллельно с этим шло утверждение социальной категории "*forain*" — «чужак». Демаркация по отношению к «чужаку» объединяла жителей данной общины.

Итак, с точки зрения Морсея и его единомышленников, возможно, самой значимой зримой чертой социальной эволюции Запада было формирование территориальных общин (сельских и городских), а также иных общностей ремесел, конгрегий, университетов, фундаментальным образом связанных с определенным пространством. Их появление было одновременно и показателем социальной эволюции, и важным ее средством. Изучать общину вне контекста этой эволюции не имеет смысла. С XI по XIII в. этот процесс шел с разной скоростью в разных регионах. В итоге он привел к усилению пространственного характера социального (*spatialisation du social*), к включению пространственного аспекта в любые социальные отношения. Пространственный характер социальных категорий был, таким образом, не столько отражением социальных изменений, сколько необходимым фактором этих изменений.

Насколько приемлема такая картина? На каждый выдвигаемый им постулат можно представить возражения, причем вполне обоснованные, однако они не столько способны дать внятную альтернативу, сколько диверсифицируют картину.

По-видимому, схема Уикхема остается вполне правдоподобной. Почти все, что приписывается новому периоду, — от *conjuratio* до частных войн, повышения роли воинов, политического подчинения окрестного населения крупными землевладельцами, вершившими свой суд, практики договоров, подменявших собой законы, в той или иной форме существовало и в каролингскую эпоху, но считалось неформальным, а то и откровенно незаконным. Но исчезновение старых («публично-правовых») форм власти и судопроизводства в условиях разрушения прежних политических систем

постепенно узаконило неформальные практики. На примере возникновения коммун в Северной Италии Уикхем показывает это достаточно убедительно. Как обстояло дело с сельскими распорядками, докопаться гораздо сложнее, поскольку хартии *franchises*, фуэро, германские *Weistümer* фиксируют скорее результат изменений, чем их процесс. Однако, с точки зрения Эксле, именно сельские сообщества дали старт всему коммунальному движению Запада²¹. Этот историк подчеркивал структурообразующую важность клятвы (обязующей — «промессивной») для образования средневековых общностей и ассоциаций разного уровня: от сельской общины до Швейцарского союза, который изначально был тоже лишь клятвенным сообществом. Говоря о разнообразии «гильдий», Эксле называет их *universitas* как в широком смысле слова (т.е. единое «юридическое лицо», *persona ficta*), так и в узком — университет магистров и студентов²². Последнее особенно интересно — во втором разделе нашей монографии мы специально остановимся на том, как шел процесс складывания университетской корпорации.

Общим моментом в «коммунитарном движении» была роль арбитража и договоров — пактов. Права общин не спускались свыше, несмотря на форму октроирования хартий, но были результатом компромисса. В условиях, когда «публичная власть» не располагала возможностью установить монополию на насилие, пакты, заключавшиеся в том числе и общинами, были способом это насилие ограничить. Пакт в эту эпоху был выше закона: “*Pactum legem vincit*”²³. Результаты этих договоров, будучи записаны, приобретали силу «незапамятных обычаев», с которыми властью на Западе приходилось считаться.

Тем самым сохранялось многообразие и вариативность социальной жизни в условиях относительной слабости центральной власти. Развитие за счет кооперации общин разного уровня было

²¹ Эксле О.Г. Гильдия и коммуна... С. 142–148.

²² Эксле О. Г. Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур // Эксле О.Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 96–125 (здесь: С. 116–119).

²³ Так озаглавил свою монографию Стивен Уайт: *White St.D. “Pactum... Legem Vincit et Amor Judicium”: The Settlement of Disputes by Compromise in Eleventh-Century Western France*. Oxford, 1978.

на Западе возможным, и его не следует недооценивать²⁴. Конечно, в силу действия целого комплекса причин баланс сил между центральной властью и местными сообществами постепенно менялся в пользу центра. Однако местные самоуправляющиеся общности вписались в новую конфигурацию власти и стали одной из составляющих «секрета Запада», проявившегося не только в его динамике, но и в его удивительной устойчивости.

РАССУЖДЕНИЯ О ТЕРМИНАХ ОПИСАНИЯ

Термины “*incastellamento*” («озамкование») Тубера и “*encellulement*” («объяченивание») Фоссье поначалу вызывали насмешки, но прижились настолько, что зачастую уже употребляются без кавычек, всем понятно теперь, что это слова, специально придуманные историками для обозначения наблюдаемых процессов. Термины, введенные Аленом Герро, имели иную природу. В своей монографии²⁵ он определил два базовых понятия, призванных обозначить специфику средневекового общества, — *dominium* и *ecclesia*. Первым термином он обозначил такую связь господства и подчинения, которая предполагала и власть над людьми, и власть над землей; вторым — церковь, но не столько как институт, сколько как «общину верных», включавшую в себя все население христианского мира. Оба термина постоянно встречаются в средневековых источниках и звучат для историка вполне благозвучно. Но это может создать впечатление, что французский исследователь призывает описывать средневековое общество в присущих ему категориях. Герро же придал предложенным им терминам иной смысл, желая показать, что историку для понимания сути средневекового общества невозможно использовать категории Нового времени — «собственность», «религия» и др. В этом смысле терминологические находки Герро, в отличие от терминов, предложенных Тубером и Фоссье, делают возможным двойное истолкование, что создает дополнительные затруднения.

²⁴ Блокманс В. Об условиях эффективности соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. 2014. Вып. 75 (3/4). С. 43–65.

²⁵ Guerreau A. L'Avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle? Paris, 2001.

Как бы то ни было, Герро отразил наметившийся в историографии поворот к радикальному переосмыслению роли церкви в Средние века. Церковь осмыслялась теперь не просто как явление, развивавшееся «параллельно» светской власти (иногда конкурируя с ней, иногда сотрудничая), но как важнейший системообразующий институт, главная (а до определенного момента — единственная) мыслимая форма человеческого общежития — «община верных». Если бы средневековый человек мыслил социальными категориями, он определил бы Церковь как «социальное все» (*le tout social*).

Развивая эту тенденцию, Мишель Лауэрс в 2005 г. предложил термин “*inecclesiamento*” («оцерковление») ²⁶, который обозначает процесс появления типичного средневекового сельского поселения, сконцентрированного вокруг церкви и кладбища. Когда Тубер выбрал итальянизированную форму для своего термина “*incastellamento*” (по-французски он бы звучал как *enchâtellement*), это было вполне объяснимо, коль скоро его исследование базировалось на материале Средней Италии — Лацио и Умбрии. А Лауэрс итальянизированной (точнее, псевдоитальянизированной) формой своего термина отсылает не к итальянским средневековым реалиям, которые в его исследованиях не играли решающей роли, а к концепции Тубера, полемизируя с ней, дополняя и слегка пародируя ее.

Между рождением двух историографических терминов прошло свыше трех десятков лет; за это время во французской историографии многое изменилось. Прежде всего, вырос уровень взаимодействия между археологами и классическими медиэвистами. Тубер, как в свое время Дюби, основывался преимущественно на письменных источниках. Фоссье для подтверждения своего тезиса о нестабильности деревень и кладбищ в период, предшествовавший «объяснению», уже обращался к работам археологов, но в ту пору средневековая поселенческая археология на Западе находилась только в начале своего развития. Сейчас, по сравнению с тем временем, и в полевых исследованиях, и во взаимодействии археологов с историками достигнут большой

²⁶ Lauwers M. Naissance du cimetière. Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. Paris, 2005.

прогресс²⁷. Новые данные позволили значительно скорректировать положения об «отсутствии постоянных поселений» и «отсутствии стабильных кладбищ» в каролингскую эпоху. Картина теперь представляется более сложной, изобилующей многообразными вариантами.

Примыкая к «антимутационистам», Лауэрс не просто оспаривал концепции Дюби и Тубера, но, опираясь на собственные исследования и обобщая работы коллег, предложил собственную версию эволюции средневекового общества. Лауэрс, как представляется, вполне искренне воздаст должное заслугам предшественников, с чьими теориями собирается полемизировать. По его мнению, выводы Тубера, Фоссье и их последователей трудно переоценить, ведь благодаря им феодальный принцип организации общества воспринимается теперь не только и не столько в виде персональных связей (как полагал еще Марк Блок), но как особый тип связи человека с пространством за счет фиксации населения вокруг определенных полюсов притяжения. Что же касается замков, изученных Тубером, то новые археологические данные подрывают стройность его теории даже на материале Лацио и сопредельных областей Средней Италии. Неспешный процесс трансформации типов поселений и их перегруппировки начался еще в эпоху поздней Римской империи и растянулся на многие сотни лет. Модель *incastellamento* зачастую соединяла единой каузальной связью несколько разнородных и не всегда синхронных явлений.

Более распространенным был другой процесс — концентрация поселений вокруг церквей и кладбищ, начавшаяся еще в англосаксонский период, как это продемонстрировали английские археологи конца прошлого века²⁸. Вскоре их

²⁷ Примером такого объединения усилий можно назвать центр под руководством Элизабет Задора-Рио, сформировавшей в Туре специальное направление по изучению организации территорий в Средние века. См.: *L'Église, la campagne, le terroir / Sous la dir. de M. Fixot, E. Zadora-Rio*. Paris, 1990; *Atlas archéologique de Touraine / Sous la dir. de E. Zadora-Rio*. Tours, 2014 (53e supplément à la Revue Archéologique du Centre de la France).

²⁸ *Rodwell W. The Archaeology of English Church*. London, 1981; *Goodier A. The Formation of Boundaries in Anglo-Saxon England: A statistical Study // Medieval Archaeology*. 1984. Vol. 28. P. 1–21; *Morris R. Churches in the Landscape*. London, 1989.

французские коллеги, обобщив данные археологических исследований и аэрофотосъемки, показали, что в Пикардии и Нормандии этот процесс начинается в VII–VIII вв., а на юге Франции — веком раньше. Но он проявлялся лишь в виде тенденции: где-то деревня, скученная вокруг церкви и кладбища, фиксируется уже в VII столетии, в других местах разбросанные виллы по-прежнему достаточно удалены от некрополя, сопровождаясь массой переходных форм. Другое дело, что начиная со второй половины XI в. источники обращают все больше внимания на эти сельские церкви и окружающие их могилы.

Концепция *inecclesiamento* была призвана дать объяснение этим процессам, сгладить противоречие между данными, полученными археологами, и свидетельствами письменных источников.

СОТВОРЕНИЕ ПРИХОДОВ

Видимая четкость римской системы организации пространства сменяется более расплывчатой картиной: пространство дискретное, концентрируется вокруг определенных полюсов, чья сила притяжения определялась отношениями зависимости, родовыми связями, военными функциями и др. В роли таких полюсов все чаще выступали культовые здания.

Понятие «полюс притяжения» не обязательно предполагает наличие скученного вокруг него поселения. Когда в качестве такого полюса выступало культовое сооружение, то показателем степени его важности могло служить число близлежащих захоронений.

В этом был разрыв с античной традицией, согласно которой «город мертвых» должен быть вынесен за городскую черту, причем христианство в первые века своего существования не нарушало этот принцип. Изменения в эпоху Средневековья были постепенными, но оттого не менее заметными. В итоге же община мертвых, сгруппировавшаяся теперь вокруг церкви, напоминала общину живых, чьи жилища все больше тяготели к церкви.

В каролингскую эпоху, когда церковь заметнее, чем ранее, становится основой империи, монархи и епископы пытались упорядочить и унифицировать жизнь церквей, разбросанных в сельской местности. В капитуляриях отражаются

предписания о поддержании и ремонте церковных зданий и, главное, о правильном порядке их освящения. Каролингские мыслители заботились о доступности церквей для жителей округа. На излете каролингской эпохи Собором в Требуре (895 г.) было определено максимально допустимое расстояние от жилища до церкви в 5 миль. Чуть ранее Гинкмар Реймский писал о необходимости каждой церкви иметь *termini* — конечные пределы, внутри которых производился бы сбор церковной десятины. Тем самым делался важный шаг к формированию приходов. Однако озабоченность каролингских епископов организацией церковной жизни еще не гарантировала реальных успехов на этом поприще.

Ситуация претерпела более значительные изменения в последующие столетия. X век был важным рубежом в церковном зодчестве: деревянные церкви все чаще сменяются каменными, возводятся башни-колокольни, не уступающие сеньориальным донжонам, процедуры освящения церквей все чаще фиксируются источниками. В связи с «Божьими перемириями» — движением, затронувшим юго-западные районы Галлии и северо-запад Пиренейского полуострова, — чаще вспоминали о праве церковного убежища, причем в защищенную зону стали включаться не только церковь и освященное пространство в церковной ограде, но и прилегавшие территории и постройки. На Пиренейском полуострове о такой неприкосновенной территории убежища говорилось еще на Соборах вестготского периода, но в Каталонии и Руссильоне эти предписания повсеместно вошли в обычай лишь в начале XI в. Такие убежища, охватывавшие пространство радиусом 40–50 шагов вокруг церкви, в каталонских документах назывались *cellera* или *sagrera*; они становились «ядрами», из которых в дальнейшем вырастали сельские, а иногда и городские поселения²⁹.

Процесс *inecclesiamento* не обязательно предполагал исчезновение отдельно стоящих жилищ хуторского типа. Но церковь и кладбище выступали в роли полюса притяжения даже

²⁹ Каталонский историк Рамон Марти, подражая Туберу, предложил для обозначения этого процесса термин “l’ensagreraement” — реорганизация сельского пространства в интересах Церкви и феодалов. См.: *Marti R. L’ensagreraement: l’adveniment de les sagreres feudals // Faventia. 1988. Vol. 10. P. 153–182.* Однако термин, кажется, не прижился.

для сравнительно удаленных жилищ. Достаточно надежным указанием на влияние церковного центра, превращавшегося в средоточие экономических интересов территориальной общины, могут служить общественные хозяйственные постройки, возводимые в непосредственной близости от церкви: общественные амбары для хранения продуктов, собираемых в виде десятины, силосные ямы, риги³⁰.

Завершение к XI в. на территории от Англии до Каталонии двух синхронных процессов — строительства монументальных церковных зданий, расположенных в центре поселений, и расширения освящаемой территории — стало итогом длительной эволюции, в ходе которой церковь и кладбище как освященное место захоронения всех христиан данной общины оказались в центре базовой социальной организации.

Отныне в грамотах при указании месторасположения участка земли больше не пользовались старой системой обозначений (в такой-то вилле, в таком-то паге, в такой-то области — *villa illa, in pago illo, in vicaria illa*), реперной точкой становится церковь и кладбище, образывавшие приход (*parrochia*³¹), общину живых и мертвых, главную «клеточку» территориального деления, универсальную модель базовых административных единиц Средневековья. Их достаточно четко определенные территории, соприкасаясь друг с другом, охватывали все пространство христианского мира.

Изменение пространственной организации в неразрывной связи с формированием представлений о единой территории, сконцентрированной вокруг церкви, и прилегающей к ней освященной земле, Лауэрс и обозначает термином "*inecclesiamento*". Изменения в идеологии и религиозных практиках, именуемые историками «григорианской реформой», привели к тому, что *ecclesia* — в том смысле, который вкладывает в этот термин Герро, — заняло свое место в сердцевине социального мира средневекового Запада.

Как конкретно шел этот процесс? Кто выступал его протагонистом? Немаловажной была роль частных или патримониальных церквей, служивших местом захоронения

³⁰ Arnoux M. Le temps des laboureurs... P. 190–211.

³¹ Это слово, которым ранее называли епископский диоцез, со времен Каролингов стало обозначать именно приход.

раннесредневековой знати³². Но более заметное влияние на процесс *inecclesiamento* оказали монастыри³³. Именно они выступили в роли своеобразной лаборатории, где появлялись новые формы сосуществования живых и мертвых. Монахи стремились организовать поселения вокруг своих церквей, которым придавали более монументальный вид, превращая отдельно стоящие и заброшенные церкви в свои приораты. Монахи более других сеньоров были заинтересованы в перегруппировке населения, поскольку монастырские земельные владения располагались совсем некомпактно, а в условиях барщины ситуация, когда разрозненные поселения зависимых крестьян находились на слишком большом удалении от монастырского домена, была крайне неудобной. Монастыри заботились об укрупнении своих владений хотя бы для того, чтобы лучше обеспечить их защиту и контроль. И эти инновации могли служить примером для прочих сеньоров. Трудно не увидеть определенную закономерность в том, что села, сконцентрированные вокруг церкви, в первую очередь возникают там, где высока плотность монастырей.

Процесс *incastellamento* таким образом оказывался тесно связанным с процессом *inecclesiamento*. Собственно, среди замков, упомянутых Тубером, значительную долю составляли именно монастырские замки. В монастырях, накапливавших опыт организации рационального управления территориями, происходил переход от модели пространства как суммы дискретных поселений к пониманию его как относительно гомогенной территории, части которой должны быть соотнесены, а в идеале — уравновешены друг с другом. Демонстрацией этого идеала может служить знаменитый план монастыря Санкт-Галлен.

³² Характерным примером подобной эволюции может служить поселение Ларина на Изере, тщательно изученное археологами. См.: *Porte P. (avec des contributions de Ph. Allart, L. Bionda, M. Bompaire, L. Buchet, Ph. Columeau, B. Prevost). Larina de l'Antiquité aux Moyen Âge: 2 vol. Biaritz; Paris, 2001. Vol. 1: Étude archéologique et historiques en Nord-Isère. Chap. 4.*

³³ *Lauwers M. De l'incastellamento à l'inecclesiamento. Monachisme et logiques spatiales du féodalisme // Cluny. Les moines et la société au premier âge féodal / Sous la dir. de D. Iogna-Prat, M. Lauwers, Fl. Mazel, I. Rosé. Rennes, 2013. P. 315–338.*

Именно монастыри при помощи иммунитетных грамот сформировали представление об определенном ограниченном пространстве, на которое распространяется сакральная сила монастыря, точнее — власть святого, которому посвящен главный монастырский храм. Границы понятия *circuitus* (округи) постепенно раздвигались — от церкви и близлежащих монастырских построек до всех принадлежавших монастырю земель, угодий и вилл. Самый известный пример организации разрастающейся монастырской округи представляет собой аббатство Ключни, что хорошо было показано еще в работе Барбары Розенвайн³⁴. Расширение круга монастырских владений сопровождалось строительством монастырских замков и запретом сеньорам возводить свои замки в непосредственной близости от границ монастырских земель. Это был пример упорядоченной монастырской территории с делимитированными границами. Папа римский Урбан II, сам в прошлом ключинский монах, освящая в 1095 г. перестроенную главную церковь аббатства, провозгласил пространство, входившее в округу монастыря Ключни, «священным баном» (*sacratuſ bannuſ*).

Так священный полюс постепенно превратился в священную территорию. С помощью монахов процесс *inecclesiamento* получил необходимую идейную и практическую базу, приведя к созданию классического средневекового прихода. Позже в каноническом праве приход будет описан как территория, ограниченная общепризнанными границами, как базовая ячейка жизни верующих и как округ, в котором осуществляется духовное право данной церкви³⁵.

ДИОЦЕЗЫ И ИХ ГРАНИЦЫ

Если сугубо средневековое происхождение прихода не вызывало ни у кого сомнений, то с диоцезом ситуация

³⁴ Rosenwein B.H. *Negotiating Space. Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe*. Ithaca, 1990. P. 137–138.

³⁵ “Quid sit parochia. Locus in quo degit populus alicui ecclesiae deputatus, certis finibus limitatus, et accepitur hic parochia quatenus spirituale ius ecclesiae se extendit, et in una determinatione plures baptismales esse non possunt” (*Hostiensis. Summa aurea. Liber III: De parochiis. XVI, q 1. Lyon, 1537. Fol. 169v*).

была иной. Книга «Епископ и территория. Средневековое изобретение пространства (V–XIII вв.)»³⁶, главным редактором которой является Флориан Мазель, ученый и организатор науки, ныне работающий в Университете Ренн II, резюмирует почти десятилетние усилия целого коллектива исследователей (в том числе М. Лауэрса и Ж. Феллера) на поприще изучения истории диоцезов³⁷.

Долгое время считалось, что диоцезальная структура была полностью унаследована от Поздней Римской империи. Это убеждение было настолько сильным, что на основании границ диоцезов и входивших в них архидьяконатов историки пытались, используя регрессивный метод, восстановить границы римских *civitates* и пагов³⁸. Однако сегодня историки полагают, что власть епископа еще не осознавалась как господство над четко определенным пространством. Время от времени на Соборах повторялось требование к епископам уважать права епископов-соседей, но даже в V в. этот принцип не особенно соблюдался. Согласно папе Геласию I, епископ осуществляет духовную власть над людьми, а не над территорией. Это делало границы между церковными провинциями весьма зыбкими.

Раннесредневековые правители, превращая города в центры распространения своей власти, часто опирались при этом на епископов, чье влияние, однако, определялось не площадью административно-территориальных округов, а надежностью связей с другими людьми (священниками, монахами, церковными служителями) и способностью контролировать конкретные локусы, в которых располагались алтари, баптистерии, могилы святых. Но и в этом епископам с VI в. приходилось конкурировать с властью аристократов, а с VII в. и с властью монахов.

В каролингский период правители мечтали объединить разнородное население в единый народ — *populus christianus*,

³⁶ Mazel F. L'évêque et le territoire. L'invention médiévale de l'espace (V^e–XIIIe siècle). Paris, 2016.

³⁷ L'espace du diocèse. Genèse d'un territoire dans l'Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle) / Sous la dir. de F. Mazel. Rennes, 2008.

³⁸ См., например: Lognon A. Atlas historique de la France depuis Jules César jusqu'à nos jours. Paris, 1885.

ставя знак равенства между обществом и Церковью. Это повышало роль епископов, призванных охватить всю империю сетью церквей, поставленных под их надежный контроль. Для облегчения задачи в помощь епископам создаются должности архидьяконов и деканов, появляются упоминания о канониках и о коллегиальных церквях. Об этом говорилось в капитуляриях, в соборных постановлениях, в трактатах каролингских мыслителей. Гинкмар Реймский в трактате о церквях и капеллах (857–859) проводит связь между епископом и его территорией, определяя ее как пространство, на котором епископ обладает правом рукополагать священников.

Каролингские администраторы продвинулись далеко вперед в попытках придать епископской власти территориальный характер, однако претворять принятые решения в жизнь было слишком сложно.

После распада Каролингской империи, в сложной ситуации появления многочисленных властных полюсов, постепенно вызревают условия для установления более плотного контроля епископов над их территориями. Ф. Мазель убежден, что григорианская реформа оказалась важнейшим поворотным моментом в истории Запада и в утверждении «феодальной логики». Под этим термином он понимает не узурпацию публичной власти частными лицами, а смену масштабов власти, ее «территориализацию», перенос центра тяжести отправления власти на локальный уровень в условиях ослабления политического единства.

В результате процессов, если не запущенных, то многократно ускоренных григорианской реформой, авторитет папства придал структуру всему христианскому миру — от сельского прихода до дворца римского понтифика, создавая возможности для того, чтобы раздвинуть границы *ecclesia* до пределов христианской ойкумены. Преобразования, вскоре закрепленные в каноническом праве, позволили упрочить разницу между церковным и светским имуществом, между клириками и мирянами³⁹.

Епископы, наделенные теперь собственной легитимностью, смогли укрепить власть над церквями и клиром своего диоцеза, преодолевая границы сеньорий и юрисдикцию местных

³⁹ Mazel F. *Féodalités, 888–1180*. Paris, 2010. P. 237, 257.

властей, как аристократических, так и монастырских. Власть епископов над своей территорией носила не сеньориальный, а, скорее, «государственный» характер, организуясь по принципу суверенитета, а не сюзеренитета. Процесс внутренней колонизации и разграничения приходских пределов привел к укреплению границ между диоцедами⁴⁰. Мало-помалу диоцез дробился на подразделения (архидьяконаты), которые управлялись при помощи административной цепочки, гарантировавшей поступление доходов фискального характера.

Территориальные споры о разграничении прав между диоцедами становятся с конца XI в. более частыми, привлекая внимание пап и их легатов. Помимо прочего, они были вызваны и процессами расчисток, внутренней колонизацией, вызванных демографическими и экономическими сдвигами. Конфликты давали ценный материал знатокам канонического права, обогащая их новыми казусами. Потом они позволяют историкам обозначить границы диоцезов.

Роль монашества в процессе формирования территории диоцезов была неоднозначной. Выдача крупным монастырям исключительных привилегий — экземпций — стала достаточно частым явлением в конце X — начале XII в. Уже упомянутый «священный бан» Клуни, осмысленный как владения апостолов Петра и Павла, выводил из-под власти епископа солидные земельные комплексы. Это было чревато серьезными последствиями для церковной истории⁴¹. Однако, как и в случае с приходами, монахи давали епископам и каноникам пример организации управления своей иммунитетной территорией. Их опыт проведения границ, выделенных крестами и межевыми знаками⁴², был использован при разметке границ диоцезов.

⁴⁰ Границы, разумеется, могли меняться и менялись, достаточно указать на масштабную перекройку границ диоцезов на юге Франции, предпринятую в 1317 г. папой Иоанном XXII. Но в результате григорианской реформы монополия на изменения территории диоцезов была закреплена исключительно за папами.

⁴¹ В следующем разделе нашей книги мы остановимся на том, насколько значимы для всей истории Парижа и его университета были экземпции, выведившие аббатства Сен-Жермен-де-Пре и Сент-Женевьев из-под юрисдикции Парижского епископа.

⁴² *Méhu D. Paix et communautés autour de l'abbaye de Cluny, X^e–XIe siècles. Lyon, 2001.*

С завершением процесса конструирования диоцеза единое церковное пространство оформилось в виде звеньев одной цепи, охватывающей весь христианский мир: митрополия — диоцез — архидьяконат — деканат — приход. Истоки этого процесса лежали в каролингской эпохе, но только осуществление григорианских реформ дало в руки Церкви инструмент, распространявший ее власть на весь христианский мир. В XII в. появляются списки всех его диоцезов: самым известным таким списком был “*Provinciale Romanum*” («Римский провинциал»), а также списки всех папских доходов, как, например, “*Liber sensuum*”.

Это означало переход от экономики дара и жертвования к экономике, основанной на регулярном сборе налогов, в чем была логика суверенитета, характерная уже для государства Нового времени (*État moderne*)⁴³.

Руководствуясь критерием степени контроля над территорией, Мазель предлагает новую систему периодизации Средневековья, разделяя его не на Раннее, Центральное и Позднее, а на период «*детерриторизации*» (V–VIII века; утрата контроля над территориями), период «*преждевременного старта*» (IX — начало XI века; ранние попытки Каролингов организовать управление пространством и продолжение этих опытов Оттонами) и *время папских реформ* (1050–1250; стабильное структурирование пространства).

ЕПИСКОПЫ, КАНОНИКИ, ГОРОДА

Характерно, что в отстаивании территориальных прав диоцеза большую настойчивость проявляли не столько епископы, сколько каноники, чья роль с конца XI в. становилась все более заметной⁴⁴. В постгригорианскую эпоху епископы чаще, чем раньше, меняли свои кафедры. Капитулы же оставались

⁴³ Mazel F. L'évêque et le territoire... P. 373.

⁴⁴ Об изменениях в положении соборных капитулов см., например: Королев А. А. Соборный капитул Лиона на пути к автономии (IX–XII вв.) // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). [Электронный ресурс; доступ для зарегистрированных пользователей]. URL: <https://history.jes.si/s207987840001976-2-1> (дата доступа 07.07.2018).

хранителями традиций (и богатств) местной церкви. Иногда епископские и каноникальные менсы имели разную природу. Менсы епископа состояли из сеньориальных прав на города, епископские монастыри, патримониальные доходы с домов. Менсы каноников, помимо прочего, складывались из доходов с приходских церквей и связанных с ними прав (десятин, взимания платы за погребение, права визитации и т.д.), а размеры этих доходов напрямую зависели от размеров диоцеза. Поэтому каноники старались установить контроль над церквями, расположенными на монастырских территориях, конфликтовали с соседями, а иногда и со своим епископом, неизменно мотивируя свои действия заботой о кафедральной церкви и об интересах епископского престола. В этой борьбе крепло осознание канониками единства своих корпоративных интересов. К тому же каноники умело использовали ресурсы интеллектуального подъема XII в., связанного во многом именно с соборными капитулами.

Флориан Мазель затрагивает и такой обособленный сюжет, как отношения епископа со своим городом. Город претерпел существенную эволюцию от центра округа — *civitas*, на территории которой городские магистраты обладали юрисдикцией и правом принуждения⁴⁵, — до места, где находится епископская резиденция. Между городом и его епископом существовала особая связь: епископ приумножал святость города, собирая реликвии святых, обустроивая церкви, часовни, странноприимные дома, заботясь о своей постоянной резиденции — епископском дворце. Некоторая двойственность положения епископа в XII–XIII вв. заключалась в том, что, несмотря на богатое строительство в городах, епископы неуклонно теряли монополию господства над городским пространством. В итоге епископы и каноники превращали в центр своего влияния не город вообще, а в первую очередь собор (вспомним, что наступивший период еще Дюби называл «временем

⁴⁵ Некоторые комментаторы возводили слово “*territorium*” к глаголу “*terreo*” из-за того страха, который должны внушать магистраты, действовавшие в пределах своей юрисдикции. См.: *Lauwers M. “Territorium non facere diocesim”: Conflits, limites et représentation territoriale du diocèse (V^e–XIIe siècles) // L’espace du diocèse. Genèse d’un territoire dans l’Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle) / Sous la dir. de F. Mazel. Rennes, 2008. P. 23.*

соборов»). Парадоксальным образом это укрепляло связь епископа с остальной территорией диоцеза.

Попробуем определить, в чем же особенности поисков, ведущихся сегодня французскими медиевистами.

Напомню, что во Франции по-прежнему наиболее близкой к истории дисциплиной считается география. Исследования в области «ментальной географии» имеют во Франции неплохую традицию, и многочисленные термины вроде “*territorialisation*” («территориализация») или “*spatialisation*” («опространствование») не выглядят для французских коллег так дико, как для нас. Использование ГИС-технологий также вполне привычно французскому медиевисту. За счет системы объединенных исследовательских центров и лабораторий во Франции, по-видимому, лучше, чем у нас, налажено взаимодействие медиевистов с археологами. С одной стороны, к выводам археологов теперь принято прислушиваться, а с другой — их наблюдения, не вписывающиеся в теоретические схемы историков, уже не вызывают стремления немедленно от этих теорий отказаться. Данные археологии воспринимаются не как приговор, а как повод для дополнительных размышлений⁴⁶.

Совместные усилия французских медиевистов, продемонстрировавших умение работать в команде, дали хорошие результаты в изучении территориального фактора социальной эволюции на уровне диоцезов и приходов, показали историзм этих институтов. При этом менее изученной остается ситуация с городским церковным пространством. Есть исследования, посвященные территориальному аспекту власти в городах, в том числе и власти церковной⁴⁷. Но такие вопросы, как, например, укорененность в пространстве городских приходов, религиозных братств, военно-религиозных сообществ, взаимовлияние церковных корпораций и городского пространства, изучаются пока менее интенсивно.

⁴⁶ Bourin M., Zadora-Rio E. *Pratiques de l'espace: Les apports comparés des données textuelles et archéologiques // Construction de l'espace au Moyen Âge: Pratique et représentations*. Paris, 2007. P. 39–55.

⁴⁷ *Marquer la ville. Signes, traces, empreintes du pouvoir (XIIIe–XVIe siècles) / Sous la dir. de P. Boucheron, J.-Ph. Genet*. Paris, 2014; *Iogna-Prat D. Cité de Dieu, cité des hommes. L'Église et l'architecture de la société. 1200–1500*. Paris, 2016.

В том самом сборнике, вышедшем в 2018 г. под редакцией Морсея и посвященном проблематике территориальной общины в Средние века, сюжеты, связанные с городом, затрагиваются лишь в одной главе из десяти. Но этот текст, судя по всему, очень насыщен теоретическим и эмпирическим материалом⁴⁸. Речь идет о главе Элен Нуазе, посвященной социопространственным сдвигам в Париже XII–XIII вв., что нашли отражение в языке документов того времени. Эта исследовательница уже достаточно давно занимается интересующими нас вопросами: как «фабрикуется» средневековый город, как из дискретного пространства, отмеченного концентрацией жилищ вокруг нескольких полюсов (аббатств, коллегиальных церквей, епископских резиденций), постепенно рождается единая городская агломерация, наделенная общей пространственной логикой. В свое время на примере города Тур Нуазе смогла показать, насколько долгим был этот процесс⁴⁹. Следуя принятой у современных французских географов и урбанистов манере сомневаться в правомерности самого термина «город», она относит если не возникновение, то утверждение во Франции той модели, с которой историки привыкли связывать понятие «средневековый город», лишь к последним векам Средневековья, к XIV–XV вв. До этого периода, с ее точки зрения, городские поселения обладали совсем иными характеристиками⁵⁰. Это не означает, что между поселениями двух периодов⁵¹ не было преемственности. Напротив, Нуазе пытается

⁴⁸ Noizet H. La spatio-temporalisation scripturaire à Paris. Changement social et langues des actes aux XIIe–XIIIe siècles // Communauté d'habitants au Moyen Âge (XIe–XVe siècles) / Dir. J. Morsel. Paris, 2018. Chapitre 2.

⁴⁹ Noizet H. La fabrique de la ville. Espaces et sociétés à Tours (IXe–XIIIe siècles). Paris, 2007.

⁵⁰ Noizet H. La ville au Moyen Âge et à l'époque moderne: du lieu réticulaire au lieu territorial // EspacesTemps.net. 2014/10/07. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espacestemp.net/articles/laville-au-moyen-age-et-a-lepoque-moderne> (дата доступа 30.11.2018).

⁵¹ Автор, как и многие другие французские историки, стремится придумать особую терминологию для обозначения поселений двух типов. Первый она называет «ректикулярным» (сетчатым), а второй — «территориальным» («территориальноупорядоченным»).

проследить следы наследия XII в. в организации городского пространства вплоть до первой половины XIX столетия в Париже и ряде других городов. При этом исследовательница утверждает, что, как правило, аббатства и общины регулярных каноников формировали вокруг себя иной тип поселений, чем общины секулярных каноников, и разница эта продолжала ощущаться спустя много веков⁵².

Вообще, в последние годы медиевисты обратили внимание на соборных каноников, вырос интерес к ним как к важнейшим участникам формирования и пространства диоцеза, и пространства города, о чем можно будет прочитать в первом разделе нашей книги. Однако речь идет лишь о канониках соборных капитулов, капитулы коллегиальных церквей реже привлекают внимание историков.

В целом стороннему наблюдателю может показаться странным ажиотаж французских исследователей вокруг вещей, казалось бы, очевидных, их стремление придавать отдельным фактам судьбоносное значение, маркирующее очередной эволюционный период. Сходные небезосновательные замечания делались в свое время в адрес сторонников теории мутационистов. Любопытно, что историки, о которых говорится в данном очерке (в особенности Мазель и Лауэрс), сами причисляют себя к антимутационистам. Но то, что Запад в течение «длинного XII века» переживал долго качественные изменения, в том числе и в плане социальной организации пространства, убедительно показано в их собственных работах.

В свете нашего исследования опыт французских медиевистов важен, поскольку указывает на значимость изучения пространственной проекции социальных отношений, в том числе и тех, которые порождали и поддерживали саморегулирующиеся городские сообщества.

⁵² *Noizet H. Germain, Victor, Martin et les autres. Morphologie urbaine et pratiques socio-ecclésiastiques à Paris aux IXe–XIIe siècles et au XIXe siècle // L'Espace géographique. 2012. Т. 41. No. 4. P. 324–339.*